

ПОЭЗИЯ
НАТАША ТРЕЙЯ

ФОТО-АРТ КОНЦЕПТ И ФОТО
ЕКАТЕРИНА САМОФЕЕВА

ХУДОЖНИК
АЛЯ ПАНИНА

ДИЗАЙН
ДАРЬЯ ДЕМЕНТЬЕВА

В этой книге – стихи разных лет. Я собрала их в неназванные темы, которые повторяются в жизни, как и темы в музыке. Поэтому в книге нет хронологии. Рядом может быть школьное стихотворение и стих, написанный через много лет. Наверное, если бы к каждому стихотворению я написала музыку, то это можно было бы назвать саундтреком моей жизни. Но песни написаны только на несколько стихотворений из книги. И это значит, что саундтрек ещё не закончен. И если мир не погибнет в эти тревожные дни, то будет продолжение...

ПОСВЯЩАЕТСЯ
МЭЙ

ПОЛОВИНКА

С детства мечтала найти свою половинку,
Как возраст – морщинку, как пестик –
тычинку,
Как горе – слезинку, как хейтер –
слабинку...
Сидеть на скамейке, обнявшись, в каком-
нибудь скверике.
Но попадались всегда какие-то
четвертинки,
Осьмушки какие-то и четверики.

Я влюблялась безжалостно и до боли,
Проявляла бешеные эмоции.
Но всегда попадались какие-то доли,
Какие-то детские, что ли, порции.

И поэтому разных и всяких столько.
И о том, и о том, и о каждом – строчки.
Потому что пытаюсь собрать осколки,
В половинку вторую сложить кусочки.

И они приходят – седьмые части.
И хватаю руками я их обеими.
Но ни с кем не случается целого счастья,
Чтобы ни пробоины, ни расщелины.

МЕСТО

Хорошо бы, чтоб было такое место,
Куда можно приехать, когда надоест всё,
И найти, просмотрев жизни даты,
Всё, что ты потерял когда-то:

Куклу в платье из розового сукна,
Попугая, вылетевшего из окна,
Во дворе – черепашку в миске
В Минске, мысли,

Ключи, очки,
Волос пучки,
Колпачки и крышки,
Номер из записной книжки,

Книгу, в центре торговом покупке,
Телефон тот, что выпал из куртки
Где-то... около дома в Марьино,
И расческу, конечно же, мамину,

Одноклассника имя и шутки,
Что погиб, когда ехал в маршрутке,
И прогулки, ногами как шаркали
С дедушкой в меховой шапке,

Время и колесо фортуны,
Детство... юность,
Стихи, записанные на обоях,
Встречи с тобою.

Просто печали вместо
Приехать в то место,
Полное красоты,
А там – ты.
Стоишь и ждешь, как и прежде,
С букетом помятым,
Потому что приехал в надежде
Встретить меня там.

ВЕНЕЦИЯ

Разбежимся же, как ног поток... чтоб не выплеснуть, как
кипяток... в лицо, гнев – в чемоданы пакуем бережно,
Как тряпье. Чтоб остынуть, кофе холодный пьем... на
набережных

В лучах солнца и ультрамарина.
В каждом доме – Христос распят. Развернемся же
у Риальто на сорок пять, как рыбный рынок.

После – плоть утешат жизни новые главы, язык – крэк,
помидоры черри...
А сейчас – располземся, как тени от сувенирных лавок,
как от пьядца – мерчерии.
К необщим друзьям разлетимся, как к конвертам
прилипшие марки.
Но сперва переклеим указатели до Сан-Марко
В нашу последнюю ночь, пока
Все спят. Посмотрим, как уткнувшиеся в карты, как
в плечо кого-то родного... будут искать выход из
очередного... тупика.

Напялим смеющиеся венецианские маски, словно
собственных чувств нет,
И ни один мускул лица не дрогнет.

Кофе допит. Мерцающий вечер дожит.
Разойдемся же, как в коридорах дворца – дожи.
Расплывемся, как два катера, в противоположные,
Заменяв очевидное на понятия ложные.

Будем считать, что каждый своего достиг.
Разорвемся, как сердце – на mine гор-дости.

КУБА

Время остановилось. Где-то в шестидесятых.
Социализм, свобода... С чувством и непредвзято:
«Сорок девятого года, а все ещё, видишь, в форме», –
Выкурив важно трубку, гордо сказал шофер мне.

Ветхие закоулки, и каждый дом обшарпан.
На барахолках куклы смотрят легко и с шармом.
Стекла побиты в окнах и облупились стены.
И человек с сигарой счастлив, идя со смены.

...

Город-призрак. Мечтать – его главный признак.
В переулках помочь затеряться признан.
Как никто, дружелюбен... свой шарм и призыв.
Круглый год – загорелый народ и лето.
По дорогам, катаясь в кабриолетах,
Едут дамы в театры смотреть балеты.
Из всех баров доносятся звуки сальсы.
Пеликан извернулся и сделал сальто.
Затянул кто-то Quanta на мега альтом.
Если хочешь отправиться куда-либо,
Пусть на нем остановится тотчас выбор:
Будешь есть Pastelitos, пить «Куба либре».
И забудешь, волны аромат вдыхая,
Что погода и дружба была плохая,
Потому что нет скуки и нет вай-фая.

Я люблю наблюдать за людьми, заглядывать им в души
И представлять, что я могла бы быть любимым из них.
Мы бы сидели большой семьей на террасе дружные
На другом полушарии среди новых родных.

Тело каждого могло бы быть моим домом:
Мужчины-официанта в очках больших,
Женщины-продавщицы с глазами бездонными,
Мальчишки, продающего беляши.

Я бы могла ощущать всё по-новому,
Другие проблемы бы меня волновали.
Они бы были самыми важными, безусловно, –
Где-то в Мексике, на Карибах или в Непале.

Я люблю смотреть на кого-то и ощущать себя им.
Полностью погружаться в его разум.
Мир необыкновенен и неповторим:
Со своим цветом кожи, разрезом глаза.

Трудягой, идущим в свои трущобы.
Старушкой, делающей замечания.
«Ты всё так же любишь меня?» – «Еще бы», –
Говорил бы мне кто-то вместо молчания.

Я так пытаюсь разнять тиски,
Мыслить учусь иначе
И абстрагироваться от тоски,
Которая ничего не значит.

ИЕРУСАЛИМ

Люди такие разные. Женщин всякие типажи:

Одни замотаны с ног до головы, только глаза из-под паранджи;

Другие – разряжены, взгляды кроткие, платья в пол;

Третьи – юбки короткие, почти голые, смотрят с вызовом и в упор.

И мужчины, молча, идут к святыням рядами:

Одни – серьезные, с бородами;

Другие – в черных сюртуках, с косичками и в шляпах черных;

Третьи – в майках, джинсах, без манер утонченных.

Одни крестятся и кланяются, зажигают свечи,

Целуют иконы и просят шепотом что-то вечно;

Другие снимают обувь, ритуал выполняют некий,

Молятся пять раз в день, повернувшись к Мекке;

Третьи качаются и суют записки с просьбами в щели в стене.

Люди такие разные. Лицом к лицу. Спина к спине.

Выглядят все по-разному, а заглянешь в души – все похоже:

Думают об одном же, просят одно и то же:

Здоровья, денег, славы, быть рядом с милыми.

Боятся одиночества, что не измеряется миллионами,

Смерти боятся и стать ненужными.

Копошатся внизу там со своими нуждами.

И я их немного жалею, но лишь слегка.

Они изрядно наскучили мне за эти века:

Пробуют подкупить, пожертвования несут,
Думают, что судьба зависит от их заслуг,
Они придумали имена мне, и страшный суд,
Грехи, и правила, и как провести досуг.

И я послушаю их пение не слишком уж увлеченно,
Мысли их, крик муэдзина, погляжу на блеск куполов
золоченых,
И без любви излишней, без лишней злости
Вздохну, зевну – и брошу кости:

Чтобы решить судьбу их – кто будет огорчен,
Кто награжден и от радости слезы прольет ручьем,
А кто не замечен вовсе и не учтен.
Чтобы никто не догадался, смысл в чем:

Сижу, баламучу воду в океанах тростью –
И просто бросаю кости.

БАРСЕЛОНА

Ночи – бессонные.
Волны – соленые.
Что-то нашептывает Барселона мне
Там, где когда-то бродили влюбленными,
Я, благосклонная,
Кофе с бурбоном пью
В бежевом доме с большими балконами.

Я б зачеркнула все надписи броские,
Сюрреализм, на картинах что Босха,
Письма писала б тебе в стиле Бродского,
Только нет адреса, даже наброска.
Только неясен их пункт назначения.
Тут ничего не имеет значения.

Чувства сквозь сито,
И бусы рассыпаны.
Как аллергия, их звездная сыпь по мне.
И Барселона, веселая, сытая,
Что-то нашептывает голосом сиплым мне.

О том, как в краске коробок картон линиял.
Мы с непробитыми сели талонами,
И наш автобус с Carrer de Moscu тронулся,
Ехал до площади Каталонии.
Как ты вплетал мне гацанию в локоны.
Только те дни, ну, настолько далекие.

Ночи – бессонные.
Волны – соленые.
Что-то нашептывает Барселона мне
Там, где когда-то бродили влюбленными,
В твои глаза я смотрела бездонные...
Как была счастлива, хоть и бездомная.